

Дипломатические контакты Дагестана с Россией в первой четверти XVIII в.

Научный руководитель – Магарамов Шарафетдин Арифович

Расулов Ислам Магомедович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра историко-правовых дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: smagaramov@list.ru

Дипломатические контакты Дагестана с Россией в первой четверти XVIII в.

Расулов Ислам Магомедович,

студент

Северо-Кавказский институт Всероссийского государственного университета юстиции юридический факультет,

Махачкала, Россия

smagaramov@list.ru

Каспийское направление являлось составной частью внешней политики петровского правительства. Успехи русской армии в Северной войне позволили Петру заняться укреплением российского влияния на Каспии. Отправленный в 1715 г. послом в Персию А.П. Волынский посоветовал Петру I принять в подданство России дагестанский народ.

Дагестанский владетель Адиль-Гирей последовательно шел на сближение с царским двором. В 1717 г. он отправляет своего посла с письмом Петру I, в котором подчеркивает пророссийскую позицию и других дагестанских владельцев и уверяет царя о готовности верно служить ему [1, 225-226].

Выстраивание добрососедских отношений с дагестанской элитой всецело отвечало внешнеполитическим интересам российского правительства. Царские власти видели в шамхале Адиль-Гирее видного дипломатического лица, проводника российской политики в Дагестане, способного оказать влияние и на остальных дагестанских владельцев, от которого во многом зависел успех начинаний царя в дагестанском направлении. Этим следует объяснить незамедлительный ответ Петра I шамхалу в марте 1718 г. о принятии его в российское подданство [1, 226-227].

С этого времени российско-шамхальские отношения обеспечивались дипломатическими контактами, стали носить союзнический характер, максимально соответствуя взаимным интересам. Адиль-Гирей осознавал преимущества нахождения в союзнических отношениях с российскими властями. 20 апреля 1719 г. он вновь обратился к российскому правительству [2, 2-3]. В данном обращении шамхала следует видеть желание более тесно сблизиться царской администрацией в Терках, которая выступала как региональный центр дипломатической деятельности Российского государства в отношении Северного Кавказа, а также попытку занять место кабардинских князей, являющихся еще со времени правления Ивана IV проводниками царской политики на Северном Кавказе, а также расширение его власти над другими северокавказскими народами, населенными вблизи Терки.

Просьба шамхала была передана его послом в устной форме, запись была сделана из уст посла в Коллегии иностранных дел России. 20 апреля 1719 г. в Коллегии иностранных дел было заслушано донесение астраханского губернатора А.П. Волынского, имевшего

немалый опыт в кавказских делах. Во время губернаторства А. Волынского Астрахань приобретает значение форпоста каспийской политики России [3, 17], начинает выступать в роли посредника в дипломатических отношениях между Россией и Дагестаном. В своем донесении астраханский губернатор высказывал свои соображения насколько полезным может быть шамхал Адиль-Гирей царским властям в плане привлечения на сторону России остальных дагестанских владельцев, подчеркивая его лояльность и доброжелательное отношение к царским властям [1, 28]. По итогам обсуждения было принято решение, что шамхалу следует встретиться в Терках с астраханским губернатором А. Волынским. Теперь к числу важных задач А. Волынского относилось урегулирование отношений с дагестанской политической элитой.

Круг лиц из числа дагестанской политической элиты, вступающих в дипломатические контакты с центральным правительством с каждым годом увеличивался. Вслед за шамхалом Адиль-Гиреем в дипломатические контакты с российской властью решили установить и другие дагестанские правители. В апреле 1720 г. с письмом в Астрахань обращается Муртазали Буйнакский с сообщением, что он отправил послов в Москву с признанием верно служить царю. Возможно, что через посланцев Муртазали Буйнакского письмо-прошение к царскому двору было отправлено от Чопана Эндереевского. Во всяком случае, оба послания датированы 24 апреля. Подписавшие их правители готовы были отказаться от ориентации на персидского шаха ради получения от царя привилегий и защиты от неприятелей.

Накануне Каспийского похода Петра I количество дагестанских владельцев желающих быть на хорошем счету у российских властей возросло многократно. На примере российско-шамхальских отношений большинство дагестанской правящей элиты осознавало выгоду нахождения в российском подданстве.

Дипломатические контакты с российскими властями пытался тогда установить и Хаджи-Дауд Мюшкюрский, больше известный своими антироссийскими выступлениями на Северо-Восточном Кавказе. 22 апреля 1721 г. он отправляет к астраханскому воеводе И.В. Кикину письмо, в котором содержатся заверения в дружественном отношении к России и о готовности верно служить царю. Несмотря на старания Хаджи-Дауда сблизиться с российскими властями, он не был принят в российское подданство.

Итак, российская дипломатия приняла и реализовала верный политический курс в сложившейся ситуации: во-первых, усилила влияние России в Прикаспийской области путем привлечения на свою сторону пророссийски настроенных дагестанских владетелей; во-вторых, отклонила обращение за подданством к России одного из зачинщиков шемахинских событий - Хаджи-Дауда, тем самым сохранила повод для начала похода в юго-западный Прикаспий.

Со времени вступления Петра Великого в Дагестан наступает новый этап в дипломатических отношениях между дагестанской правящей элитой и российским правительством, характеризующийся усилением переписки между ними, изданием императорских грамот на имя местных владельцев, многочисленными просьбами и прошениями к императору.

Источники и литература

- 1) Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. М., 1988. Центральный государственный архив древних актов, ф. 77, оп. 6, д. 5. Кулаков В.О. Астрахань в персидской политике России в первой половине XVIII в. Астрахань, 2012.